

Т. И. Краснова

СТРУКТУРА ЭМИГРАНТСКОГО ГАЗЕТНОГО ТЕКСТА (синтагматический аспект)

Небольшой объем статьи и, напротив, существенный опыт анализа текстов дает право коротко обозначить ключевые положения, которые нам необходимы, в том числе и рабочую терминологию описания.

Структура текста в эмигрантской послереволюционной газете отвечает главной задаче – информировать и дать оценку происходящему в России. Жанровые, идеологические, индивидуально-авторские особенности текстов здесь значения не имеют. Все тексты строятся по принципу **семантической оппозиции (СО)**, который наилучшим образом отвечает реалиям действительности. Текстовую ситуацию, связанную с передачей фактов, мы называем **референт-ситуацией¹ (РС)**. Ее границы в составе текстов относительно свободны: предложение, ССЦ, текст целиком. Референт-ситуация вычленяется как разновидность определенного дискурса² и представляет собой определенную модель интерпретации действительности в «ментальном мире» говорящего. В текстах РС отличается единством некоторого опорного концепта, вокруг которого формируется общий контекст с характерными элементами структуры (семантический фрейм, гештальты) и типовой идеологической интерпретацией. В парадигматическом отношении структура эмигрантских газетных текстов, построенная на семантических оппозициях, нами уже рассматривалась³.

Текстовый анализ показал такие идеографические парадигмы, как «конфликт – насилие – гибель (болезнь)», «неприятие – сострадание-обвинение», «болезненность – аморальность». Это соотношение базовых ментальных сущностей, концептов, связанных по текстам в узлы семантических доминант, представляет собой как бы «срез», состояние оценочного сознания в процессе восприятия эмигрантами советской действительности. Содержание термина концепт имеет культурологическую основу: «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. В отличие от понятий концепты не только мыслятся, они переживаются. Они – предмет эмоций, симпатий и антипатий, а иногда и столкновений»⁴. Именно так постоянно «мыслятся и переживаются» в эмигрантской печати самые употребимые ключевые слова-концепты *Россия* и *Большевизм*. Заметим, что и в современной печати они также взаимосвязаны, мыслятся и переживаются, но с присущим нашему времени своеобразием. Тем настоятельнее встает вопрос о культурологическом содержании данных понятий в контексте послереволюционных эмигрантских газет. В статье этот аспект затрагивается.

Статья посвящена: а) выявлению семантических оппозиций в составе текстовой референт-ситуации в рамках концептуального анализа газетного

текста, б) их (СО) представлению в качестве универсального способа построения РС в тексте, при всех конкретных различиях, связанных с представлением РС, т.е. с речевой модальностью изложения. Модальность мы понимаем широко. Это единая семантическая категория, выступающая как совокупность модусов – способов представления сообщаемого с точки зрения лица говорящего (им может быть лицо коллективное). Именно субъективно-модальное начало образует основное грамматическое значение предложения (высказывания), включающее и значение предикативности⁵. Так называемую «объективную модальность» следует понимать лишь как один из модусов изложения. В рамках которого выражение личностного начала сведено до минимума (Ср. в колл. труде под ред. В. А. Белошапковой – «неавторизованный» способ изложения⁶).

В составе общей категории модальности целесообразно выделять различные модальные совокупности, связанные с разными аспектами богатого субъективно-оценочного содержания этой категории. Так, например, выделяют модальность коммуникативную (КМ), связанную с характеристикой предложения по цели высказывания, с ориентацией на адресата сообщения, модальность грамматическую (ГМ), связанную с показателями реальности/ирреальности сообщаемого⁷, модальность лексическую (ЛМ). Выделяем также модальность риторическую (РМ), то есть совокупность всевозможных жанрово-стилевых, функционально-смысловых, конструктивно-речевых действий, приемов (т.е. модусов), семантика и форма которых связана с конкретно-типовыми целями воздействия.

Ключевой концепт Россия. Концепт *Россия*, *Русь* по культурно-исторической традиции связывается с тремя типами значений: 1) этнос, народ = русские, 2) территория = русская земля, 3) государство = политическое образование⁸. Разумеется, в эмигрантских текстах концепт *Россия* включает все три значения, но особенно часто присутствует в форме прозрачных дескрипций – географических наименований русских городов, поселений Севера и Юга, Сибири и пр. Прагмасемантика этих наименований в составе текстовых референт-ситуаций имеет вполне определенную константу: подразумевается *пространство, где имеют место разрушение (беспорядок), насилие, голод, гибель*. Основной идеей, на фоне осмысленного прошлого, выступает идея **болезни** России большевизмом. Она определила и характер референции в текстах. Насквозь пропитанные оценками сообщения о фактах, рассуждения о причинах и мысли о судьбе России – результат неизбывной яростной и сострадательной любви эмигрантов к своей родине. В целом преобладает понимание «российской болезни» как психического и умственного недуга, с которым связано стихийное, агрессивное поведение и беспорядочность, или нарушение логики действий⁹. Обратимся к текстам, выступающим в качестве показательных в нашем анализе.

1. Корреспонденция «Болезнь внутри» (Варшавская речь, Варшава, 28.08.19) представляет собой развитый в указанном отношении текст, повествующий о ситуациях насилия, с элементами сюжета, комментария,

положения дел. Текст не содержит дескрипций, напрямую связанных с темой болезни России (кроме заголовка, имеющего такой подтекст при вторичном его осмыслении после прочтения корреспонденции). Однако речевая последовательность текста строится на логических несообразностях, которые должны болезнь символизировать. Модальности: грамматическая – **реальная была=РС**; коммуникативная - **утверждение, недоумение, сострадание**; риторическая – в форме субъективно-авторской речи, построенной на **логической несообразности** с включением сигналов чужой речи.

Идея болезни в тексте связана с оценкой поведения (образа действия и образа мыслей) субъектов действия (актантов) как нездорового. Мы увидим, что эта оценка реализуется в рамках концептуальных оппозиций, заданных в тексте благодаря приему алогизма, семантике насилия и существующим в сознании читателя нормативным представлениям: а) о должном в сфере умозрительных отношений в элементарной логике – логичное/нелогичное (понятное/непонятное); б) о позитивном в сфере человеческих (социальных) отношений в действительности – насилие/ненасилие, согласие/несогласие, конфронтация¹⁰. Логические несообразности в тексте передают оценочное понимание РС как ненормальной, вызывающей недоумение. Недоумение окрашено еще и сомнением. Выражается 1) знаками препинания (многоточие, тире, которые создают паузы растерянности и/или многозначительности в речи рассказчика; 2) средствами ЛМ: наречиями с семантикой неопределенного сомнительного знания (*по-видимому, почему-то*, предикатом той же модусной семантики *видно*). Обратимся к тексту, где знаком // передается логико-смысловое несоответствие фрагментов высказывания. В записи обозначена также логическая композиция текста, о которой ниже.

	(1) По последним сведениям, в С в я т о ш и н с к о м лагере под К е в о м были интернированы... // красноармейцы [РМ : логич. несообр.; КМ : недоумение; сем.: Насилие].
семантическое следствие ¹⁾	(2) Около 40 тысяч «своих» // убрано было в концентрационный лагерь. Все это – мобилизованные крестьяне. Повинны - // в контрреволюции. В действительности же // не желали воевать.
семантическая причина	[РМ : элем. несоб.-авт. речи, логич. несообр.; КМ : недоумение]. Отказ ехать на позиции // едва не закончился сражением, предупредить которое удалось чуть ли не хитростью. Разоружали верные латыши [элем. несоб.-авт. речи; РМ : логич. несообр.; сем.: Насилие].
семантическое следствие ²⁾	(3) Этот // контрреволюционный корпус, ввиду приближения Деникина, выводился частями и размещен сейчас за М о с к в о й в нескольких лагерях. Следствие продолжается: были уже расстрелы [сем. Насилие].
семантическое тождество	(4) Другой лагерь находится у К о р о с т е н я. Там два полка. Им оружия не дали. Предупредили, что воевать не будут. И вот, чтобы избежать шумной процедуры разоружения, // согнали безоружных в глухую дыру под К о р о с т е н ь [РМ : элем. нес.-авт. речи; логич. несообр.; сем. Насилие; КМ : сострадание]. Конечно ведется следствие и были расстрелы. Но режим там, повидимому, более мягкий, чем в С в я т о ш и н с к о м лагере: контр
семантическое	революционеры // пьянствуют, дуются в карты бесчинствуют и... //

<u>различие</u>	занимаются грабежом. [PM : элем. несоб.- авт. речи; логич. несообр.; сем.: Насилие; КМ: сострадание]
семантическое следствие ¹⁾	(5) Расстреливая за контрреволюцию, большевики // почему-то смотрят снисходительно на разбойное поведение своего взбунтовавшегося воинства [PM: элем. несоб.-авт. речи; логич. несообр. сем.: Насилие].
семантическая причина	Причина такого попустительства – отчаянное положение продовольственного дела [сем.: Голод].
семантическое следствие ²⁾	(6) Из разговоров с «интернированными», которые, кстати, // слоняются по всем окрестностям [PM : логич. несообр.; сем.: Насилие], видно, что и на С е в е р е тоже существуют
семантическое тождество	концентрационные лагеря для «контрреволюционно» настроенных // красноармейцев [PM : логич. несообр.; сем.: Насилие]
семантическое различие	(7) Только там дело с продовольствием обстоит – еще хуже. [сем.: Голод]

На уровне логической композиции текста (пометы слева) несообразность отсутствует. Как и положено, логические следствия вытекают из причин, а тождества и различия чередуются. Однако, с целью активизации оценочного восприятия, текст строится по принципу композиционной инверсии: речевой блок, выражающий семантическое следствие, предшествует речевому блоку, выражающему семантическую причину и т.д. Семантическое тождество фактообразующих ситуаций с разной пространственной референцией (*под Киевом, за Москвой, у Коростеня*) выражается в идентифицирующих повторах (*концентрационный лагерь, другой лагерь, разоружение, следствие, расстрелы*) и общим сюжетным сходством изложения фактов. Семантическое различие состоит во введении новой оценочной информации, связанной с парадоксальным образом поведения агентов - красноармейцев (*отказ ехать на позиции*), интернированных (*слоняются по всем окрестностям, дуются в карты, бесчинствуют и... занимаются грабежом*).

Как видно, идея **болезни** проводится в составе референт-ситуации и средствами риторической модальности, композицией точек зрения. Присутствует субъективированная речь, включающая сигналы чужой (несобственно-авторской) речи. В результате выявляется соответствие двум точкам зрения: 1) сухой идеологизированной точке зрения большевиков, выступающих в роли агента-насильника (в абз. 1-4 он подразумевается, а изложение идет в неопределенно-личной форме); 2) простонародной сострадательной точке зрения, принадлежащей невыявленному участнику в роли пациента-наблюдателя сообщаемого (4, 5 абз.). Изобразительным является абз. 4, где алогизмы и повторы в логически неупорядоченной речи рассказчика имитируют взволнованность лица, сочувствующего пострадавшим. Ср.: *Им оружия не дали... и вот чтобы избежать шумной процедуры разоружения согнали безоружных в глухую дыру под Коростень*.

Идея умственного и психического расстройства участников событий проводится последовательно и обнаруживается в структуре фактообразующих высказываний благодаря приему контраста, или синтагматического противопоставления. Семантика предиката, передающая образ действий или

мыслей персонажей, входит в несоответствие с их наименованиями как лиц и групп, поведение которых определено идеологически (в пресуппозиции). В результате в тексте наблюдаются следующие «неформальные» отношения.

1) Наблюдается отношение логического несоответствия в образе действий и мыслей насильников (*большевики*):

а) *интернированы... // красноармейцы; убрано было в концентрационный лагерь // около 40 тысяч «своих»*. Семантика дескрипций *красноармейцы*, «свои» затемнена (отсюда эффект первоначального недоумения), ведь языковая компетенция говорящего включает в трактовку значение слова *свои* с семей 'связанные близкими отношениями, совместной работой, общественными убеждениями'¹¹.

б) *Расстреливая за контрреволюцию, большевики // почему-то смотрят снисходительно на разбойное поведение своего взбунтовавшегося воинства*. Ср. со следующей фразой комментария, где устанавливается отношение рационального соответствия между образом мыслей насильников и положением дел: *Причина такого попустительства – отчаянное положение продовольственного дела*.

2) Наблюдается отношение логического (и идеологического) несоответствия в образе мыслей и действий **жертв насилия**, также ставших насильниками:

*красноармейцы // не желали воевать
отказ ехать на позиции
контрреволюционно настроенные
контрреволюционеры // пьянствуют, дуются в карты,
бесчинствуют и... занимаются грабежом
интернированные // слоняются по всем окрестностям*.

Указанные несоответствия и организуют понимание референт-ситуации как ненормальной, болезненной. Такое понимание может осуществляться только с помощью задействованных по смыслу текста целостных структур сознания: а) умозрительных – по оси концептов *истинное / ложное*, б) идеологических – по оси концептов *свои / чужие*.

Прагматическая оппозиция *свои / чужие* реализуется в составе текста как алогизм несоответствия. Это подчеркивается в наименованиях кавычками: «свои» оказываются ложными своими, *красноармейцы* оказываются «контрреволюционно» настроенными, то есть ложными красноармейцами, вследствие чего *мобилизованные* оказываются *интернированными*. В результате противоположность *истинное / ложное* имеет отношение к пониманию проблемы большевизма в России как вопроса о соответствии / несоответствии, органичности / неорганичности этого явления (идеологии) народному укладу и сознанию.

В заключение можно добавить, что оценка референт-ситуации болезни реализуется как в части предикативной организации высказывания (рема), так и по линии предварительной его организации (идентификация, тема). Идея болезни просматривается не только в последовательном развертывании текста,

но и в общем смысловом соответствии как отношение *беспорядок – насилие – голод*.

2. Информация «Вести из Петрограда» (Голос России, Берлин 30.12.19), в отличие от предыдущего материала, относится к группе текстов, в которых заголовок прозрачен по своей референции и тема болезни в нем отсутствует. Однако она вычитывается имплицитивно в содержании референт-ситуации.

Идея болезни и связанные с ней атрибутивные дескрипции с концептуальной семантикой **Беспорядочность, Голод, Гибель** выражены в составе текста структурами, обозначающими несоответствие: а) бытийное, средствами ГМ – Была=РС / Есть=РС, причем Была=РС выражается косвенно, через пресуппозиции высказываний (абз. 1-2); б) умозрительное, средствами РМ – ЛОГИЧНОЕ / АЛОГИЧНОЕ, выраженное через синтагматический контраст (абз. 2).

(1) Лицо, приехавшее недавно из П е т р о г р а д а в Гельсинфорс, сообщает о жизни бывшей столицы все такие же мрачные подробности, как и прежде. Голод и в особенности холод – главные язвы полувымершей и опустевшей Невской столицы [косв. Была=РС / Есть=РС; сем. Гибель].

(2) Несколько лучше обстоит дело по части «работы» Чрезвычайек [косв. Была=РС / Есть=РС; скр. сем. Гибель]. Расстрелы интеллигенции происходят редко. Беспощадно расстреливают только спекулянтов и дезертиров. Расстреляна недавно компания спекулянтов, продававшая совету народного хозяйства // принадлежащие ему же 4000 сепараторов. Расстреляна компания, занимавшаяся освобождением от воинской повинности // во главе с цыганкой Масальской, Грамматиковым и др. [ЛОГИЧНОЕ / АЛОГИЧНОЕ; сем. Гибель]

В оценочном отношении выразителен 1-й абзац. Благодаря введенным в текст наименованиям *Петроград – бывшая столица, Невская столица* – в смысловый объем текста включается экзистенциальная противоположность следующих референт-ситуаций:

реальная Была=РС (в пресуппозиции)	реальная Есть=РС (текстовая)
П е т р о г р а д /столица России, полная жизни /	<i>бывшая столица, полувымершая и опустевшая Невская столица</i>

Речевая противоположность временного плана, выраженная в составе **Есть=РС** обстоятельствами времени *недавно / прежде*, в контексте снимается: здесь доминирует качественное тождество *все такие же мрачные подробности, как и прежде*. Оценочный эпитет *мрачные подробности* выступает как ассоциированный сем. **Болезнь, Гибель: Голод и в особенности холод – главные язвы полувымершей и опустевшей Невской столицы**. Слова, характеризующие **Есть=РС**, являются самой обобщенной и категоричной формой оценки: это существительные, объединенные по семе старинного русского слова *язва* – «болезнь, мор», а также «зло», «вред»¹². Многозначны по комплексу ассоциированных идей оценочные адъективы *мрачные,*

полувымершая, опустевшая. Они связаны общей идеей «гибели», «небытия», поддерживая сему «мор» соотношением *мрак – смерть – пустота*. Совокупная семантика дает текстовую парадигму *Петроград (Россия) – болезнь, гибель*. Вместе с тем эта схема РС имеет смысловую доминанту – концепт *БОЛЕЗНЬ*, что подчеркивается синтаксически, морфологически, интонационно (модальностью утверждения).

Ключевой концепт Большевизм. В советской культурно-исторической традиции, по данным словарей, концепт БОЛЬШЕВИЗМ означает «то же, что ленинизм, т.е. марксизм эпохи империализма и пролетарских революций, теория и тактика пролетарской революции вообще, теория и тактика диктатуры пролетариата в особенности»¹³. Главная константа прагмасемантики этого слова в эмигрантских газетах: *Большевизм – опасная болезнь, которая может распространяться и на другие народы*. В основе оценки – онтологическая и гносеологическая идеи о нездоровой, антигуманной сущности большевизма. Большевизм понимается: 1) как агрессивное проявление доктрины недемократического, тоталитарного переустройства общества, соотносимого по результатам своего осуществления с низшими формами социальной жизни, а по методам – с формами болезненной и /или/ преступной жестокости; 2) как социальный и человеческий (на уровне индивидуума – психический и умственный) недуг, связанный с противоречивой судьбой великого и в то же время угнетенного и отсталого народа, в краткий срок претерпевающего величайшие исторические катаклизмы. Обратимся за подтверждением к текстам.

2. Корреспонденция с элементами интервью «Керенский о большевизме» (Новости жизни, Харбин, 11.09.19) помещена под рубрикой «Вести и факты». Идея большевизма как болезни находит здесь открытое выражение, так как представляет собой мнение частного, хотя и авторитетного лица. Мы обратим внимание на концовку предпоследнего абзаца (1) и последний абзац (2).

(1) ...Пройдет еще одно лето, наступит новая зима, и народные массы **достаточно ознакомятся с большевизмом, во всех его цветах и оттенках**, разочаруются во всех видах террора, - / и тогда они **снова будут просветлены** и выдвинут из своей среды достойных вождей [ГМ - реальные Есть=РС / снова Будет=РС, т.е. косв. Была=РС; сем. **Насилие, Болезнь**].

(2) На вопрос корреспондента о том, что он думает об американских большевиках, // Керенский, смеясь, сказал: «Вам нечего бояться большевизма в Соединенных Штатах. **Большевизм не может нарастать в стране**, где народные массы так хорошо питаются и живут, как в Соединенных Штатах. // **Большевизм — болезнь усталых, истощенных народов**, живущих под пятой в продолжении столетий. / **Вы вполне застрахованы от этой болезни в Америке**, уверяю Вас» [ГМ - реальная/ирреальная РС в рамках оппозиции Россия/США; сем. **Болезнь**].

В смысловой структуре 1-го абзаца присутствует экзистенциальная противоположность: три ситуации-референта, связанные с наименованием *народные массы* (далее *народы*). Это наименование вводят в текст, помимо характерных для духа того времени социальных коннотаций, важный количественный компонент смысла. Этот же семантический компонент

содержится в идеологеме *большевизм*. Наименования не только характеризуют речь Керенского как выразителя авторитетного мнения в американской среде эмиграции. Эти наименования играют роль стержня, вокруг которого образуются идеологические концепты, связанные с судьбой России: «**действительность Р. / будущность Р.**»: они осмысливаются под знаком СО - реальность / ирреальность. Реальная бытийная ситуация в пресуппозиции сообщаемого дwoится и представлена как **Есть=РС** и **Была=РС**. Вместе с ирреальной = долженствующей = **снова Будет=РС** (текстовая **ситуация веры**) **Была=РС** составляет оппозицию реальности в настоящем. При этом **Есть=РС** выражается косвенно: она легко реконструируется как прагматическая пресуппозиция и смысловая противоположность сообщаемого.

Реальная ЕСТЬ=РС (в пресуппозиции)	Ирреальная, веры = долженствующая снова БУДЕТ=РС, т.е. косв. БЫЛА=РС
(народные массы, недостаточно знакомые с большевизмом во всех его цветах и оттенках, не разочарованные во всех видах террора, помраченные недостойными вождями)	народные массы достаточно ознакомятся с большевизмом во всех его цветах и оттенках, разочаруются во всех видах террора, – и тогда они снова будут просветлены и выдвинут из своей среды достойных вождей.

В данной противоположности идея **Болезни** как психического и социального недуга выражена имплицитно Она усматривается в признаковых актуализаторах концепта **Большевизм**, в усилительных повторах: *большевизм» во всех его цветах и оттенках, во всех видах террора; народные массы, помраченные недостойными вождями* в связи с предикатом *снова будут просветлены* (т.е. «как раньше»). Это означает наличие в настоящей России народного недуга (агрессия, помрачение сознания, суженный аффективно насыщенный смысл). Абзац (1) содержит не только отношение противоположности, но и отношение оценочного соответствия: **Большевизм – Болезнь** (террор, умопомрачение)..

Семантическая оппозиция в последнем абзаце выражена нечетко, скорее подразумевается.

Б о л ь н а я Россия	З д о р о в а я Америка
реальная Есть=РС болезни большевизмом	реальная НЕТ=РС болезни, ирреальная Не может быть=РС болезни большевизмом
(Страна, где есть) большевизм болезнь усталых, истощенных народов, живущих под пятой в продолжение столетий.	Большевизм не может нарастать в стране, где народные массы так хорошо питаются и живут, как в Соединенных Штатах. Вы вполне застрахованы от этой болезни в Америке, уверяю Вас.

Как видно, в тексте реализуется скрытая оппозиция концептов *настоящее*

// *прошлое и будущее* для России, *настоящее / будущее* для Америки. Она связана с мотивом опасности распространения большевизма и обозначена средствами КМ: а) вопросом к Керенскому и б) отрицанием (заверением Керенского).

В общих чертах приведенный в данной статье анализ текстов ориентируется на более дифференцированное и систематическое описание модусов, в рамках которых мы получаем в газете особое представление о действительности.

Summary

The article is devoted to the questions of speech modality and reference. Syntagmatically, the contents of emigrant newspaper texts are structured by means of semantic opposition, thus representing the contradictions of Russian life in Russian mentality.

-----

¹ Согласно существующим представлениям под *референцией* понимается «соотнесение и соотнесенность языковых выражений с внеязыковыми объектами и ситуациями», а под ситуацией «фрагмент действительности, вырезанный и обработанный мыслью» (*Падучева Е. В.* Семантические исследования. М., 1996, С. 244; *Арутюнова Н. Д.* 1) Предложение и его смысл. М., 1976, С. 7; 2) Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. Логика и лингвистика (проблемы референции). М., 1982.

² О дискурсе как о «тексте» и «языке» в рамках «особой социальной данности» см.: *Степанов Ю. С.* Альтернативный мир, Дискурс, Факт и Причинность // Язык и наука конца 20 века. М., 1995. С. 35-73.

³ *Краснова Т. И.* Семантико-речевые оппозиции в структуре текста (на материале эмигрантских газет) // Вестн. СПб ун-та. Сер. 2. Вып. 4. № 23. 1995. С. 67-72.

⁴ *Степанов Ю. С.* Константы. Словарь русской культуры. М., 1997. С. 40.

⁵ См. обзор мнений по этому вопросу в ст.: *Краснова Т. И.* Лингвистические заметки о модальности // Логос. Общество. Знак (К исследованию феноменологии дискурса). СПб, 1997. С. 51-61.

⁶ Современный русский язык / Под ред. В. А. Белошапковой. М., 1989. С. 679 и далее.

⁷ *Гуревич В. В.* О «субъективном» компоненте языковой семантики // Вопросы языкознания. 1998. № 1. С. 27-35.

⁸ *Степанов Ю. С.* Указ. соч., С. 493 и далее.

⁹ Говоря о патологии личностного и группового поведения в ситуациях войны, затяжных конфликтов, бедствий, психиатры отмечают такие черты, как крайний эгоцентризм, морализаторство, обвинение окружающих, суженный аффективно-насыщенный смысл, агрессию как ведущий способ разрешения конфликтов (*Братусь Б. С.* Аномалии личности. М.: Мысль, 1988; *Жане П.* Неврозы. М., 1911). Результатом расстройства психики считается не только «усиление чувств», их патологическая фиксация, но и, как следствие, развивающаяся тенденция к слабоумию, «поскольку страдание резко ограничивает возможности переработки информации и памяти» (*Амосов Н. М.* Моделирование мышления и психики. Киев., 1965, С. 238. См. также: *Зейгарник Б. В.* Патология мышления. М., 1962; *Петренко Л. В.* Нарушение высших форм памяти. М., 1976).

¹⁰ Оппозиции из сферы умозрительного *логичное / алогичное, понятное / непонятное* имеют отношение не только к рациональной, но и Эмоциональной оценке (то, что логично, принимается, нелогично – отрицается; то, что понятно, удовлетворяет, непонятно – удивляет, вызывает недоумение, интерес). Оппозиции из сферы реального (действительного) *насилие / ненасилие, согласие / несогласие (конфронтация)* имеют более сложную по прагматике

семантику аксиологической оценки, которая зависит от точки зрения (этической, эстетической и пр. социальной). Осуждаться или поощряться может любой член диады. В данном тексте осуждается насилие и вызывает сочувствие конфронтация.

¹¹ Толковый словарь русского языка / под ред. проф. Д. Н. Ушакова: в 4 т. Т. 4. М., 1940; см. также: *Степанов Ю. С.* Указ соч., С. 473 и далее.

¹² Толковый словарь русского языка.

¹³ Там же. Т.1, 1935; ср. определение большевизма в МАС: «Возникшее в начале 20 в. В России революционное, последовательно марксистское течение политической мысли в международном рабочем движении, получившее свое воплощение в пролетарской партии нового типа, в партии большевиков, созданной В. И. Лениным (*Словарь русского языка*. Т. 1. М., 1981).

Статья поступила в редакцию 4 декабря 1998 г.